

тической статистики при проведении более масштабного исследования.

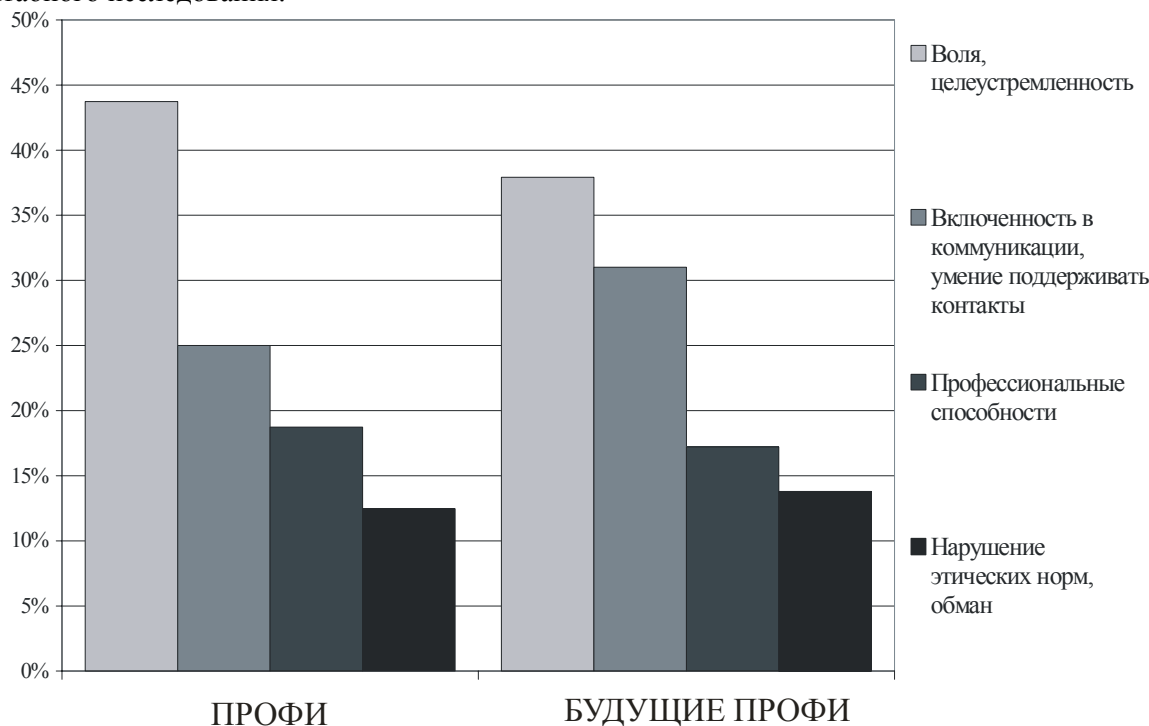

Диаграмма 5. Факторы, оказывающие влияние на уровень дохода

Литература

1. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность* – 2003. – №2. С. 5-16.
2. Bourdieu P. The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. – New York.: Greenwood, 1985
3. Glaester E.L. The formation of social capi-

tal. The contribution of human and social capital to sustained economic growth and well-being. – Ottawa, 2001

4. Teachman J., Paasch K., Carver K. Social Capital and the Generation of Human Capital // *Social Forces* – 1997. Vol. 75, №4. P. 1 – 17.

Статья поступила в редакцию 15.05.2008

С.Н. ЛЕВИН, к.э.н., доцент,
Кемеровский государственный университет

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И СЕГМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ*

Роль и значение региональных аспектов институциональной трансформации отечественной экономики не получили должного отражения как в современной научной литературе, так и в практике институционального проектирования. Группа авторов, констатируя это, пишет: «При региональном анализе и выработке стратегий регионального развития зачастую недооценивается роль экономических институтов, поскольку предполагается, что основные правила и механизмы их исполнения устанавливаются на уровне страны в целом»¹. Приоритетное внимание к формальным институтам отражает господствующие в рамках современной экономической науки подходы. Неоклассические и базирующиеся на них неоинституцио-

ливаются на уровне страны в целом»¹. Приоритетное внимание к формальным институтам отражает господствующие в рамках современной экономической науки подходы. Неоклассические и базирующиеся на них неоинституцио-

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №06-02-00198а

¹ Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. Сцилла и Харибда региональной политики // *Вопросы экономики*. – 2008. - №2. – С. 84.

нальные модели исходят из наличия универсальных критериев эффективности и универсального в своей основе набора «качественных» институтов, способных обеспечить эффективное функционирование экономики. В рамках такого подхода унифицированные по требованиям глобальных рынков формальные правила игры рассматриваются в качестве доказавшего свою эффективность «образца», степень соответствия которому служит критерием «качества» институтов.

В практике институционального проектирования данный теоретический подход получил наиболее полное воплощение в рекомендациях Вашингтонского консенсуса. Важнейшими принципами политики Вашингтонского консенсуса являлись, как известно, либерализация, приватизация и финансовая стабилизация на основе жесткой монетарной и фискальной политики². На этих принципах строились как стабилизационные программы для Латинской Америки и других развивающихся стран, так и предложения по рыночному реформированию постсоциалистических экономик, известные как модель «шоковой терапии». В рамках комплекса мер, составляющих политику Вашингтонского консенсуса, четко выделяется три уровня: микроэкономический, институциональный (в узком смысле слова) и макроэкономический. Микроэкономический уровень включает меры по либерализации экономики: либерализация ценообразования (преимущественно для постсоциалистических стран), устранение государственного вмешательства в финансовые рынки, ликвидация торговых барьеров. При этом внутренняя либерализация жестко увязывается с внешнеэкономической открытостью. Идея заключалась в расширении прав субъектов хозяйствования при одновременном ужесточении конкурентного давления на них. Институционально закрепить результаты либерализации была призвана приватизация. При этом особое значение придавалось поступлению приватизированных активов в рыночный оборот, что должно было, исходя из упрощенной трактовки теоремы Коуза, привести к их переходу в руки эффективных собственников, в том числе из числа иностранных инвесторов. Фискальная стабилизация должна была обеспечить подавление инфляции и поставить частных субъектов хозяйствования в условия «жестких бюджетных ограничений».

² См., например: Стиглиц Д.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. и примеч. Г.Г. Пироова. – М.: Мысль, 2003. – С.75- 91.

В институциональном плане вся программа Вашингтонского консенсуса выступает как политика ускоренного внедрения в развивающихся и постсоциалистических странах набора унифицированных правил игры, ориентированных на интересы субъектов глобальной экономики. На этот аспект проблемы обращает внимание М. Кастельс. Он отмечает, что давление со стороны правительств развитых стран, МВФ, Всемирного банка и ВТО использовалось в целях унификации всех национальных экономик вокруг одинаковых правил игры, подразумевающих свободное движение капиталов, товаров и услуг в соответствии с рыночной оценкой. Странам, нуждающимся в кредитах, инвестициях и в доступе на внешние рынки, навязывались жесткие условия «структурной адаптации», без учета специфики положения каждой из них³.

Реализация предложенной либеральной стратегии реформ в 1990-е годы привела к неоднозначным результатам. В частности возникло устойчивое рассогласование формальных и неформальных норм при примате последних⁴. Это приводит к деформализации правил игры, означающей, что действие любых формальных норм модифицируется системой сложившихся персонализированных неформальных норм рыночного типа. Поэтому ориентированные преимущественно на «либеральные» образцы законодательные акты либо не действуют, либо содержат в себе разного рода моменты, которые позволяют в практике правоприменения встраивать их в систему сетевых взаимосвязей.

Признание ограниченности достигнутых в сфере институциональных преобразований результатов выражается в рамках господствующего либерального направления не в смене целей, а в поиске новых путей их достижения. Речь идет о стратегии «выращивания» институтов⁵. Эта стратегия предполагает

³ Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. – М., 2001. – С.75.

⁴ См.: Капелюшников Р. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. – 2001. – №1. – С.138-156.; Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. - №5. – С. 4-25; Радаев В.В. Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. – 2001. – №6. – С. 60-79. и др.

⁵ См.: Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Гос. ун-т- высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. – 1 кн. С. 7-65.

встраивание либеральных институтов в институциональную среду национальной экономики и общества, направленное на постепенное изменение базовых параметров всех уровней институциональной системы, в том числе наиболее глубинного в лице культурных традиций и ценностей. При этом рассматриваются два основных способа выращивания институтов: облагораживания и формализации неформальных правил по модели, предложенной Э. де Сото, и культивирование новых образцов. Второму варианту придается особое значение в контексте ориентации на решение задач изменения базовых характеристик институциональной среды. В качестве минимальных условий, обеспечивающих успешное культивирование институтов, выделяются три элемента: достаточное время, специальные усилия, частичные компромиссы.

Первый принцип связан с необходимостью учета того, что на различных уровнях институциональной системы укоренение институциональной инновации идет с разной скоростью. Определенная длительность культивирования института необходима для его усвоения на уровне неформальных норм и встраивания в систему существующих культурных традиций и ценностей.

Специальные меры нужны для преодоления барьера большинства. К ним относят:

- администрирование новых правил;
- мониторинг процессов институциональных изменений;
- информационная поддержка инноваций;
- обучение новым навыкам.

При этом признается, что реализация всех этих мер связано с издержками.

Наконец, признание неизбежности в ходе введения новых правил институциональных компромиссов предполагает внедрение нового института первоначально в промежуточном виде отличающемся от его конечной планируемой формы. Достижение конечной цели достигается поэтапно, через ряд переходных ступеней.

В рамках предложенной модели неформальные институты оказываются в центре внимания. Но при этом ориентация на модификацию институциональной системы на в направлении обеспечения ведущей роли универсальных институтов либерального типа. Локальные и преимущественно нелиберальные по своей природе неформальные институты, сложившиеся в отечественной экономике, рассматриваются преимущественно как барьер на пути рыночной трансформации и как объект воздействия со стороны реформаторов.

Среди альтернативных методологических подходов выделяется своей последовательной критикой преобладающего либерального направления и принципиально отличными от оценками содержания институциональной трансформации российской экономики теория институциональных матриц (О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина)⁶.

В рамках этой концепции подчеркивается равнозначный и «вечный» характер идеальных типов общественного устройства: западного (Y-матрица) и восточного (X-матрица). Каждая матрица выступает как набор базовых институтов в экономике, политике и идеологии. Это обусловлено тем, что в рамках данного подхода три эти сферы рассматриваются как взаимно определяющие друг друга части единого целого. При этом базовая институциональная матрица порождает постоянно развивающиеся и исторически преходящие институциональные структуры. Обе модели общественного устройства рассматриваются как постоянно развивающиеся, однако рамки и направленность этого развития определяется господствующей институциональной матрицей. Для западного общества характерно преобладание институтов рынка в экономике, федерализма и демократии в политике и субсидиарности в идеологии. Для восточного общества характерен другой набор институтов. В экономике преобладают институты редиistribuтивной (раздаточной) экономики. Преобладающим типом собственности является централизованно-управляемая условная верховная собственность (служебная). Набор правомочий собственности, которыми распоряжаются субъекты, определяется их местом в административной иерархии. Трудовые отношения определяются институтом служебного труда, построенного на всеобщей занятости населения. В политической сфере доминируют институты унитарно-централизованного политического устройства, базирующиеся на принципах формирования единой властной иерар-

⁶ См.: Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. – Новосибирск ИЭи-ОПП СО РАН, 1997. – 72 с.; Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность*. – 1994. – №3. – С.37-48.; Бессонова О.Э., Кирдина С.Г., О Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. – Новосибирск: НГУ, 1996. – 312 с.; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: Теис, 2000. – 213 с.; Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) // *Постсоветский институционализм: Монография / Под ред. Р.М. Нуреева, В.Н. Демтьева*. – Донецк: Каштан, 2005. – С.75-101. и др.

хии во главе с Центром, преобладания назначения руководителей над выборностью, единогласия в принятии решений. Главным средством обратной связи в такой системе являются обращения по инстанциям. Идеологическая сфера отличается преобладанием коммуитарной идеологии, построенной на преобладании коллективистских ценностей. При этом четко прослеживается взаимосвязь экономических, политических и идеологических институтов. Система общей служебной собственности требует централизованного политического управления для своего использования, что не может не поддерживаться господством коллективистских ценностей.

В рамках такого подхода расхождение между провозглашаемыми целями и реальным ходом институциональных преобразований рассматривается как естественный процесс модификации рыночных институтов и их встраивания в качестве важного, но комплементарного (дополнительного) элемента в институциональные структуры российской экономики и общества, характеризующегося доминированием институтов X-матрицы⁷. Отвержение одних внедряемых либеральных институтов и изменение реального характера других рассматривается как проявление неизбежного провала попытки искусственного замещения базовой X-матрицы институтами Y-матрицы. Таким образом, происходящее хаотическое движение отражает закономерный поиск выхода на траекторию развития, заданную типом институциональной матрицы. Элементы рынка дополняют российскую редистрибутивную экономику. Во-первых, они встраиваются в структуру новых институциональных форм (например, крупные монополии в виде акционерных обществ с доминирующим государственным участием). Во-вторых, коммерческие структуры компенсируют «провалы редистрибуции», самостоятельно действуя преимущественно в сферах торговли, сферы услуг и т.д.

Из такого подхода вытекает общая рекомендация по совершенствованию управления процессами институциональной модернизации, которая заключается в том, «что метафора «вы-

ращивания институтов» ... будет в ближайшем будущем, по мере осмысления происходящих процессов, заменена метафорой «культивации и прививки» институциональных форм в соответствии с теми культурными традициями, той институциональной матрицей, которая присуща российскому обществу»⁸. Наиболее значимым с точки зрения более конкретных предложений выступает упор на необходимость учитывать при проведении институциональных и структурных реформ коммунальных характеристик отечественной материально-технологической среды обитания. Это означает, что огромные размеры страны, сложные и крайне разнообразные природно-климатические условия создают объективную необходимость сохранения за государством финансовой и управленческой ответственности за функционирование и развитие отраслей производственной и общественной инфраструктуры, обеспечивающих жизнедеятельность населения и сохранение экономического и политического единства страны (железнодорожного и трубопроводного транспорта, единой энергетической системы, жилищно-коммунального хозяйства и т.д.).

В то же время представляется, что концепция институциональных матриц абсолютизирует барьеры на пути рыночной трансформации отечественной экономики. При этом трактовка России как типичного общества с институтами X-матрицы концентрирует внимание на поиске универсальных закономерностей развития этого типа институциональной организации. В результате в рамках данного подхода устойчивая региональная локализация и сегментация институциональной организации отечественной экономики не становится предметом специального анализа.

В целом можно сказать, что преобладание подходов, связанных с поиском универсального набора «качественных» институтов (единого или дуального в рамках концепции институциональных матриц) отодвигает исследование региональных аспектов институциональной трансформации отечественной экономики на периферию институционального анализа. В то же время в рамках современной научной литературы институционально-экономического характера наметились определенные

⁷ См.: Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. – 2004. – №10. – С.89-98.; Кирдина С.Г. Результаты и перспективы институциональной модернизации России (диагностика на основе теории институциональных матриц) // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Гос. ун-т высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. – 1 кн. – С. 311-322.

⁸ Кирдина С.Г. Результаты и перспективы институциональной модернизации России (диагностика на основе теории институциональных матриц) // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Гос. ун-т высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. – 1 кн. – С. 322.

методологические подходы к анализу этих проблем. Одной из первых попыток такого рода является проведенной группой отечественных и зарубежных исследователей анализ этих проблем с позиции концепции конкурентного федерализма⁹. Среди полученных ими научных результатов следует выделить развернутое обоснование тезиса об утверждении в России системы «региональных прав собственности». Этот термин традиционно использовался для характеристики переходного процесса в Китае, где региональные власти выступают в качестве собственников промышленных объектов, имеют место относительная автономия регионов в вопросах установления конкретных управленческих структур, а также фактическая децентрализация фискальных ресурсов. В России попытка реализации противоположной китайскому градуализму политики шоковой терапии натолкнулась на региональное разнообразие условий и интересов, которое не вписалось в рамки унифицированного общенационального подхода. В результате изменение прав собственности приобрело градуалистский и регионализированный характер. Применительно к рубежу 1990-2000-х годов авторы делают следующий вывод: «Сегодня вполне правомерно рассматривать действующую в России модель собственности как вариант системы «региональных прав собственности». Это не означает, что вся собственность принадлежит региональным властям, а лишь указывает на их важную роль в определении структуры собственности, находящейся в сфере их компетенции»¹⁰. По существу авторы зафиксировали значимость неформальных институтов в процессе реальной регионализации отечественной экономики. В то же время их предложения по развитию федеративных отношений в России были ориентированы на формальную децентрализацию в законодательной и фискальной сферах при установлении четких конституционных рамок для координации деятельности федеральных и региональных органов власти. В этой связи они пишут: «Такой конституционный режим откроет возможности для региональных экспериментов и институциональной конкуренции, но при этом весь «каркас» институциональной системы станет достаточно жестким и будет разви-

ваться в одном направлении»¹¹. По существу эти предложения были нацелены на унификацию правил игры на конституционном уровне на базе либеральных принципов при стимулировании конкуренции между региональными и местными органами власти за привлечение капитала и других экономических ресурсов. Представляется, что в данном случае нормативные установки авторов явно разошлись с проведенным ими анализом реальных институциональных практик. Сделанные предложения не опирались на реальные тенденции развития процессов институциональной трансформации. Характерной особенностью 2000-х годов явилось движение по пути формальной централизации и укрепления властной вертикали при сохранении региональной локализации и сегментации институциональной среды преимущественно на неформальном уровне.

Исходя из вышесказанного, продуктивным является рассмотрение регионального уровня институциональной трансформации российской экономики в контексте процессов деформализации правил игры и развития серой зоны взаимодействия региональных и местных властных структур с бизнесом¹². Специфической особенностью предложенного подхода является представление о том, что эта реальная модель институционального устройства в российской действительности не является универсальной для всех территорий. На различных территориях за 1990-е годы сформировались локальные институциональные модели, выступающие как различающиеся друг от друга конфигурации формальных и неформальных институтов. При этом была дана развернутая характеристика причин и механизмов формирования этих моделей и выделены их характер-

⁹ Реформирование федеративных отношений в России (взгляд с позиции конкурентного федерализма) // Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. акад. Л.И. Абалкин. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 129-152/

¹⁰ Там же. – С. 138-139.

¹¹ Реформирование федеративных отношений в России (взгляд с позиции конкурентного федерализма) // Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / Отв. ред. акад. Л.И. Абалкин. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 151.

¹² См.: Курбатова М.В., Левин С.Н. Деформализация правил взаимодействия власти и бизнеса // Вопросы экономики. – 2005. – № 10. – С 119 – 131.; Левин С.Н., Курбатова М.В. Преобладание иерархического типа взаимодействия власти и бизнеса как проявление зависимости от предшествующего развития // Интернет-конференция «20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития». <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/211519.html>; М.В. Курбатова, Н.Ф. Апарина, С.Н. Левин Взаимодействия власти и бизнеса на муниципальном уровне: практики, сложившиеся в Кемеровской области [Электронный ресурс] // Экономическая социология. – 2005. – Т.6, №2 // <http://www.ecsoc.msses.ru/Cont.php?tom=6&number=2>; и др.

ные черты:

1. Появление этих моделей явилось результатом переплетения процессов спонтанного развития и реализации локальных институциональных проектов, направленных на восстановление нарушенного институционального равновесия путем рекомбинирования исторически сложившихся институциональных структур. Эти проекты инициировались авторитетными региональными руководителями и были нацелены на восстановление в новых формах контроля над ресурсами территории со стороны консолидированной региональной властной элиты.

2. «Локальность» институционального проектирования заключается в целенаправленной ориентации региональной власти как субъекта институциональных изменений на территориальную локализацию институциональной среды.

3. Важнейшим стимулом для реализации региональными властями собственных стратегий институциональных преобразований выступила ситуация несоответствия между возложенными на них обязательствами и крайне ограниченными источниками легального финансирования их деятельности. В этих условиях они пошли по пути развития практик дофинансирования территорий за счет бизнеса, включающих различные формы квазиалоговых сборов и организованного спонсорства. Сложившиеся на различных территориях различные варианты взаимоотношений между властью и бизнесом в рамках вышеописанной серой зоны – от относительно партнерских до «моноцентричных», иерархических, составили ядро локальных моделей институциональной организации отечественной экономики.

4. Общей чертой этих моделей является широкое присутствие на неформальном уровне институциональной организации традиционных для отечественной экономики правил государственно-патерналистского типа.

Таким образом, значимость региональных аспектов институциональной трансформации рассматривается в рамках этого подхода в контексте того факта, что именно на этом уровне преимущественно проявился эффект исторической обусловленности развития, связанный с сохранением в модифицированной форме правил государственно-патерналистского типа. Формальная политическая централизация, построение властной вертикали в 2000-е годы не привело к появлению универсальных правил игры прямого действия, хотя существенно ограничило свободу действий га-

рантов локальных правил игры в результате возникновения жесткой и достаточно устойчивой иерархии «хозяев» территорий.

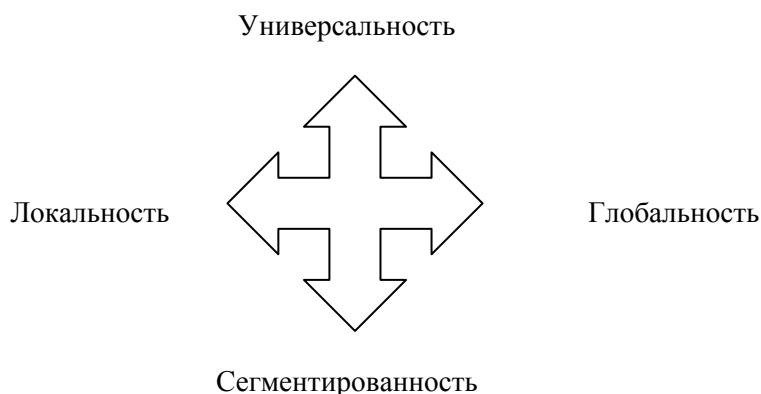
Устойчиво сохраняющаяся в условиях рыночной трансформации отечественной экономики ситуация региональной локализации и сегментации институциональной среды доказывает, что данная проблема требует комплексного исследования. Это обусловлено как сложным характером этой проблемы, так и её значением для понимания общего содержания и тенденций развития процессов институциональной трансформации российской экономики. Реализация этой задачи предполагает превращение регионального уровня институциональной организации российской экономики в специальный предмет анализа. Исходным пунктом такого исследования выступает рассмотрение сочетания формальной централизации с региональной локализацией и сегментацией институциональной среды на неформальном уровне в качестве исторически обусловленной и устойчивой характеристики отечественной экономики и общества.

Решение поставленных исследовательских задач требует четкого определения содержания понятий локализации и сегментации институциональной среды. Их нельзя рассматривать как синонимы. Это взаимосвязанные, но различные формы неоднородности институциональной среды. В этой связи можно классифицировать характеристики степени однородности-неоднородности институциональной среды по следующим параметрам: «локальность-глобальность», «универсальность-сегментированность» (см. рис. 1).

Первый параметр отражает горизонтальный аспект проблемы. Глобальные институты действуют в масштабе всей национальной, а в современных условиях и мировой экономики. Действенность локальных институтов ограничена рамками определенных территориальных или «производственных» сообществ, выступающих как закрытые сетевые структуры. Качественные различия между этими видами институтов тесно связаны с особенностями агентов-гарантов и механизмов инфорсменты. Действенность глобальных институтов обеспечивается преимущественно деперсонифицированными гарантами, действующими на основе формальных правил. Речь идет о судах и других государственных органах выполняющих функции «государства защищающего». Локальные институты носят преимущественно неформальный характер, а механизм их инфорсменты базируется на действиях персонифици-

рованных агентов-гарантов. В этой связи необходимо отметить, что в условиях, когда действенность формальных норм зависит от персонализированных решений руководителей органов власти, последние тоже принимают локальный характер. Речь идет как о практике из-

бирательного применения правовых норм, так и о ситуациях, когда от таких решений зависит степень реального применения тех или иных имеющихся нормативных актов.

Рис. 1. Характеристики степени однородности-неоднородности институциональной среды

Второй параметр отражает вертикальный аспект проблемы. Универсальные институты являются правилами прямого действия непосредственно регулирующих деятельность экономических агентов (фирм, домохозяйств, владельцев различных экономических ресурсов). Сегментация институциональной среды означает, что взаимосвязи между этими базовыми экономическими единицами опосредуются их принадлежностью к закрытым сетевым структурам. Таким образом, локализация и сегментация выступают двумя взаимосвязанными аспектами усиления неоднородности институциональной среды. Локализация означает формирование локальных сообществ выступающих в качестве закрытых сетевых структур. Эти структуры как относительно замкнутые сегменты экономики и общества выстраивают взаимоотношения друг с другом, построенные на переплетении горизонтальных и вертикальных начал. В результате возникает многоуровневая система правил игры, обеспечивающая функционирование экономики как сегментированного, но единого целого.

Неоклассическая идеальная модель рыночной системы построена на абстрагировании от исторического, культурного и географического контекста. На этой основе возникает представление об экономике как абсолютно однородной в институциональном отношении. Во всех национальных моделях современной рыночной экономики элементы локализации и

сегментации институциональной среды присутствуют в различной степени. Однако необходимо признать, что именно региональная локализация и сегментация институциональной среды не играют существенной роли. Такая ситуация отражает достигнутую в развитых странах высокую степень «плотности» экономического пространства, обеспечиваемую развитой инфраструктурой и накопленным запасом социального капитала, создающим общенациональный «радиус доверия», выражающийся в достаточно высоком уровне деперсонифицированного и институционального доверия¹³.

Для российской экономики характерна качественно иная ситуация. Огромные размеры страны, многообразие природно-климатических, географических условий, уровней развития различных территорий, национального состава и социокультурных традиций населения, традиционная недоразвитость инфраструктуры объективно снижают «плотность» экономического пространства и порождают высокую степень территориальной неоднородности институциональной среды. В этих условиях возникает проблема сохранения единства локализованного и сегментированного хозяйственного и политического пространства страны. Исторически эта задача решалась в рамках сочетания

¹³См., например: Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма; пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.31.

высокой степени политической централизации при допущении многообразия реальных моделей институциональной организации экономики и общества на различных территориях страны. Поэтому стихийное воспроизведение этой ситуации в 2000-х годах выступает ярким проявлением «эффекта исторической обусловленности развития». Процесс реинтеграции экономического и политического пространства страны достигался в этот период взаимодействием двух механизмов:

1. Формированием властной вертикали, которая в существующих условиях вела не к появлению универсальных правил игры прямого действия, а к возникновению относительно устойчивой иерархии «хозяев» территорий и «производственных» корпоративных структур.

2. Достижением определенного согласия между центральными элементами закрытых сетевых структур на принципах «межсегментного конвенционализма».

Противоречивое взаимодействие этих механизмов, которые, с одной стороны, дополняли друг друга, а с другой выступали в качестве субституты, создает определенные предпосылки для построения многоуровневой, но субординированной системы институциональной организации отечественной экономики. Однако эта объективная реальность явно не получила и не получает отражения в проектах институциональных реформ, характерной особенностью которых остается преобладающая ориентация на формирование в отечественной экономике единого набора универсальных правил игры либерального типа.

Сложившиеся локальные институциональные модели должны рассматриваться не как препятствие на пути утверждения универсальной системы либеральных институтов, а как проявление спроса на сохранение многоступенчатой сегментированной системы институциональной организации в отечественной экономике. Из этого вытекает необходимость ориентации в практике институционального проектирования на формирование многоярусной пирамиды формальных и неформальных правил. При этом должен сохраняться баланс между территориальной локализацией и сегментацией институциональной среды и сохранением за отечественным государством его традиционной роли интегратора «разряженного» экономического пространства страны. Критерием эффективности институтов в специфических условиях России является их способность внести вклад в реинтеграцию экономики страны в новых условиях и обеспечить превра-

щение её в относительно самостоятельный «центр силы» в глобальной экономике. Это предполагает совмещение стимулирования взаимодействия региональных властных структур и бизнес-групп как источника институциональных инноваций¹⁴ с проведением государством промышленной и структурной политики, включающей использование не только общих, но и селективных мер. При этом селективная политика должна строиться на обязательном сочетании отраслевых и территориальных приоритетов. Важным структурным приоритетом в современных условиях может стать развитие комплексного межрегионального взаимодействия в рамках макрорегионов¹⁵. Становление макрорегионов как интегрированных общностей выступает неотъемлемым элементом хозяйственного освоения территории России, «уплотнения» её экономического пространства. В рамках такой политики сложившиеся в регионах социальные сети должны рассматриваться не как барьеры на пути мобильности ресурсов, а как реальные и потенциальные акторы устойчивого развития, снижающие экономические и социальные риски и повышающие адаптивную эффективность отечественной экономики.

Статья поступила в редакцию 26.06.2008

¹⁴ См., например: Яковлев А.А. Агенты модернизации. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – С. 348-354.

¹⁵ См., например: Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. Сцилла и Харибда региональной политики // Вопросы экономики. – 2008. – №2. – С. 93-96.